

355.1
А-94

АФГАНИСТАН

БОЛИТ

В МОЕЙ

ДУШЕ...

355.1
А-94

АФГАНИСТАН

БОЛИТ

В МОЕЙ

ДУШЕ...

Воспоминания,
дневники
советских воинов,
выполнявших
интернациональный долг
в Афганистане

А-186087
95
се 05

Литературная запись
Петра ТКАЧЕНКО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

*Солдат
афганской войны*

Прощание

После награждения

СЛОВО О ДРУГЕ

Вспоминать о нашей службе в Афганистане тяжело, трудно. Сжимается сердце, становится больно. Видимо, судьба у нас такая, что из роты через два года возвратились на Родину очень немногие. Вот как сильно выкосила эта война наши ряды. Так дорого мы заплатили за этот мир, за безопасность наших южных рубежей. И как поется в нашей батальонной песне:

Нам не жалко себя, но обидно за лучших
ребят,
Нам обидно за тех, кто однажды не сядет
за праздничный стол
И не скажет: «А помнишь ты, мама,
ведь я обещал и пришел».
Нет, не станем мы плакать, ведь слезы
не красят солдат,
Лишь слезинка мелькнет,
и суровее станет наш взгляд.

Многим матерям, так сильно посевшим за это время, не суждено было встретить сыновей своих у родного порога. Хочется всем им, у кого погибли сыновья в Афганистане, низко поклониться от нас, живых, и сказать, что сыновья их остались верными до конца своему воинскому долгу, Родине.

У меня бывают такие минуты, когда воспоминания переполняют душу, хочется сесть и написать книгу обо всех своих друзьях, обо всем пережитом и увиденном. О том, как смело и решительно наши парни вели себя в боях, как не боялись сойтись в рукопашной схватке на ножах. Как, спасая друга, погибали сами. Какие все-таки смелые наши русские люди, дети тех, кто воевал в Великую Отечественную. В такой обстановке наши ребята обостренней стали понимать, что такое мир и Родина. Они преданы Родине, они знают, чьим оружием убиты их товарищи, и на дешевую пропаганду не клюнут.

Одним из таких был рядовой Сергей Болотников, воин и поэт. Сережа был

КУБАТИН Владимир Сергеевич, рядовой запаса. В Афганистане — с 1979 по 1981 год. Направлен в числе первых воинов.

смелым рабочим парнем с настоящей шахтерской закалкой. На таких, как он, земля держится. Но они, как правило, чаще всего погибают, потому что не прячутся за спины других, а идут впереди. И если бы не тот душман, сколько бы он стихов написал...*

Когда он погиб, у него осталась жена Марина и двухлетняя дочь Светлана. Жена тогда ему писала, что со Светланкой они учат папины стихи. Сейчас Света уже большая, ей десять лет.

Марине я писал, но письма остались без ответа. Может, адрес неверный. Просил ее выслать фотографию Сережи для музея. На службе нам так и не пришлось сфотографироваться. Некогда было, да и некому было фотографировать нас.

С Сережей мы знакомы были с самого начала, как только ввели наши войска в Афганистан. Хорошо познакомился с ним уже в 1980 году в ходе боев и операций, когда служил с ним в одном взводе.

Его трудно было чем-то удивить. Он все время был каким-то сосредоточенным, задумчивым, спокойным, уравновешенным. Не помню такого случая, чтобы он с кем-то о чем-то спорил. Всегда тихо отойдет в сторонку, где-нибудь сядет, достанет тетрадку или блокнот и пишет. Его в этот момент никто не тревожил. Знали, что он пишет стихи. И у него это получалось неплохо, на редкость быстро. Кто-нибудь из нас подсядет к нему — Коля Курган или Вася Виднечук, — спросит: «Ну как, Серега, по-

* Очерк о Сергее Болотникове «Душа моя пронизана ветрами...» см. в газете «Красная звезда» от 16 сентября 1988 года.

лучается?» А он подаст тетрадку: «Ну-ка, прочти, как, на твой взгляд, пойдет или нет?» Прочтем. «Молодец, Серега!» — скажем. Ничего не ответит Сережа, только улыбнется. Таким в памяти он у меня и остался.

У меня сохранилась только часть его стихов, всего тридцать пять. Та тетрадь, в которой он писал стихи последний месяц, осталась у него в нагрудном кармане. Когда он погиб, ее сильно залило кровью. Спасти стихи тогда не удалось...

Последний вечер 23 сентября 1980 года мне тоже запомнился сильно.

Нам сказали, чтобы незаметно готовились к ночному выходу на задание. В этот вечер я проходил мимо палатки и вижу, сидит за углом на земле Сережа с тетрадкой в руке. Задумчивый. И смотрит на заходящее солнце, как раз в ту сторону, куда нам предстояло идти. Я подошел к нему. Вижу, что он сильно изменился. Черты лица другие. Весь бледный. Я спрашиваю: «Серега, что с тобой, не заболел ли?» Присел с ним рядом. Он так спокойно говорит мне: «Нет, Володя, не заболел. Пойми меня правильно. Не подумай, что я трус. Я не хочу идти на задание. Но знаешь ведь, что все равно пойду. У меня такое предчувствие, что меня завтра убьют. Только мать жалко, дочку и жену...» Я его стал успокаивать, не надо, мол, Сережа, заранее себя к этому готовить. И сказал ему, что нет занятия глупее, чем думать о смерти перед боем.

Я заметил, что так всегда бывает, такой случай не единичный за мою службу, когда боец заранее чувствовал, что он погибнет. Но поделать ничего не могли...

Ночью вышли колонной на боевых машинах пехоты (БМП). Прошли километров тридцать. За кишлаком Осмар провинции Кунар повернули направо в ущелье. Проехали в темноте километра два и остановились дожидаться рассвета. На рассвете двинулись дальше. Сразу же завязался бой. Мы спешили. Командир взвода

лейтенант Александр Амосов приказал окружить и уничтожить стоявший справа на сопке дом, из которого стреляли по нам душманы. Мы скрытно стали брать этот дом в кольцо. С левой стороны обходил Сережа Болотников. Душманы заметили, что мы их окружаем, и перевели огонь на нас. Перебежками от камня к камню мы приблизились к дому и начали обстрел окон. Было отчетливо видно, что там человека четыре. До дома оставалось метров сто, когда из него выскочили два душмана. Мы кинулись за ними. Один из них побежал вверх по ущелью, а другой остановился прикрывать товарища. Он дал очередь из автомата, которая и оказалась роковой для Сережи Болотникова. Последние его слова были: «А все-таки жаль маму и дочку Светланку и Марину...»

Мартин Боляк подхватил его и потащил вниз к боевой машине. А тем душманам мы не дали уйти.

Сережу положили в машину. В ней он, кажется, и умер. Как писал он в стихах:

Боевая машина пехоты —
Это дом наш и наша броня.

Что могу сказать о себе? В 1970 году мы переехали на жительство в город Чимкент, где я учился и начал заниматься велоспортом. Сначала я стал чемпионом Чимкента, а в марте 1978 года — бронзовым призером Казахской ССР в индивидуальной гонке. В мае того же года — чемпионом Союза среди юниоров в командной гонке. В 1979 году закончил десять классов и 29 ноября был призван в армию. В Союзе мы только приняли присягу, и нас сразу же отправили в Термез.

Ночью нам сказали, что в Афганистане началась необъявленная война и что мы должны помочь афганскому народу. На рассвете нас выростили в горы. Там, на границе с Пакистаном, и прошла вся моя служба. Вернулся я на Родину тоже 29 ноября.

Продолжив занятия спортом, я понял, что армия выбила у меня все.

Предстояло все начинать сначала. Стал работать токарем на заводе. Но шум и городская суета мне не давали покоя от всего пережитого. Хотелось куда-нибудь уйти, уехать, уединиться, отдохнуть. В мае 1982 года я уехал в Сибирь в село Шевырино. Здесь лес, тишина, то, чего я и хотел. Работаю заведующим механическим двором...

Трудно вспоминать. Но вспоминать надо, чтобы рассказать молодому поколению о наших товарищах, героически погибших на афганской земле. Они останутся в наших сердцах такими, какими мы их знали, прекрасными ребятами, мужественными и стойкими.

У всех ребят нашего взвода были солдатские блокноты, куда мы записывали адреса, а я в свой переписал и стихи Сережи Болотникова, автографы друзей, в том числе и афганские. Особенно я дружил с замполитом афганского батальона в Асадабаде Агагелем. Он всегда был рядом в трудную минуту и помогал нам как никто другой морально и физически. У меня сохранилась подаренная им фотография. Я все записывал в блокнот. Тогда я думал, что все это интересно будет читать, когда вырастет мой сын. Ему сейчас четыре года. И дальше я буду воспитывать его так, чтобы он был полезен людям и обществу.

Расскажу еще о том, как погиб секретарь провинциального комитета НДПА товарищ Махбуб Сангар. Как он мне сам говорил, «по-вашему — парторг». Погиб он 15 сентября 1981 года. Когда мы его привезли в штаб батальона, нас вызвал комбат. Смотрим, там сидят корреспонденты. Представились: «Из «Комсомольской правды». Два дня мы им рассказывали, как и что было. Позже, в Союзе, мне довелось найти эту газету со статьей за 26—27 сентября 1981 года. Очерк называется «Нет на границе тишины».

В двух газетах по очерку. О совет-

ских солдатах, то есть о нас, ни слова. Ну да ладно, дело не в этом. Дело в том, что жалко хорошего человека. Я ведь тогда хорошо разговаривать умел по-афгански, и мы с ним успели познакомиться, пока колонна собиралась в дорогу. Он сидел у меня на боевой машине в командирском отделении. Всю дорогу, пока мы туда ехали, он мне рассказывал о том, как живут афганцы, о том, какие они еще затуманенные муллой. Ну а начну я все по порядку. Пусть будет хоть и длинно, с ошибками, но зато так, как на самом деле было. Все это и сейчас не уходит из памяти, я его вижу до сих пор перед глазами — здорового, курчавого, приветливого со всеми.

Утром 15 сентября 1981 года в 6 часов нас срочно вызвал комбат. Взводный у нас был уже другой. Амосов уволился в Союз еще летом. Вызвал, построил технику — два танка, наши две БМП и один «Урал». Нас по два человека на машину. Людей не хватало. Механик и наводчик. Выехали, построились. Комбат подходит и говорит: «Мужики (чисто по-человечески, по-простому он с нами всегда разговаривал. Мы ведь с ним от начала и до конца все дороги и тропы с боями прошли. Он не только в лицо нас всех знал, но и по имени). Прошу вас, поезжайте с парторгом, проведите митинг в Осмаре. Думаю, техники на охрану хватит. Он же поедет на БМП, присмотрите за ним». Из солдат нашего взвода поехал я, наводчик, механик был Напедваридзе Гия, другой молодой грузин был земляк его, Самакошвили Дато, и другие. На другой БМП был механик-водитель Тарханов Александр из Куйбышева. Танкистов по фамилиям не знал. Выехали мы за Асадабад. Танки впереди, потом наша БМП, следующие афганские две машины, потом снова наши БМП, потом снова афганские две-три машины. Так мы стояли за мостом у Асадабада около часа. Солнце начинало палить. Афганские солдаты бегают, суетятся, го-

товятся в дорогу. Подходит Махбуб Сангар. Я его тогда в первый раз увидел, еще не зная, кто он такой даже. Одет был он, что интересно, в наш советский маскхалат и афганскую офицерскую кепку. Подошел, протягивает руку, я сижу на башне БМП. Я ответил на приветствие. Он улыбнулся. Начал на своем языке расспрашивать, как здоровье, как дела. Порусски он кое-что только мог говорить. Я ответил, что все хорошо. Мы познакомились. Я уже и без того понял, что это он и есть, тот человек, которого мы должны сопроводить в Осмар. Он постоял, похлопал ладонью по БМП, похвалил: «Биспор хуб», — значит, хорошая машина. Он сел на БМП. Мы — я и Гия Напедваридзе — завели с ним разговор, я был в качестве переводчика. Говорили, что погода хорошая, что надо ехать, пока не сильно жарко. Он как раз держал в руках какие-то листовки с маленькими книжками. Я спросил: «Вы что, пишете стихи?» Он отвечает, что да, немного, получается «немножко, немножко плохо». Но главное, чтобы попасть в душу афганскому солдату, чтобы он понял, что вот эти горы (и показывает на пакистанскую границу, они как раз только солнцем осветились — зеленые, красивые), что вот эти горы, земля, река, что все это их родное. Что это их Родина. Чтобы они поняли, за что надо бороться. За любовь к родной земле. Я сижу, помню, на башне и слушаю его, и вот эти несколько слов, короткий, но душевный разговор запал в память. В тот момент я, глядя на него, думал: «Боже мой, как ты красиво, хорошо говоришь. И как вас таких вот мало среди афганцев! Таких, которые действительно сейчас собираются в дорогу, зная, что их ожидает, идут защищать свою землю, мать, отца, детей. Да просто Родину свою». Но многие и многие этого не понимали. У многих афганских солдат была на душе обида за то, что они уже по пять-шесть лет в армии и их не отпускают домой, по-

тому что им нет замены. Что на родине у них вырезали семьи, убили матерей, отцов, жен, братьев, сестер. Что душманы зверствовали, сожгли дома. Я это состояние афганского солдата понимал. Но меня брало зло: он тут же говорил, что душман — это плохо, его надо убивать. Я сразу задавал встречный вопрос: «Ну а ты, что ты сделал, отомстил врагу за смерть родных?» Он опускал голову. Говорят, что мусульманину в мусульманина по корану нельзя стрелять. Вот тут уже кулаки я сжимал. Ты, значит, живи и прячься, а мы, русские, тебе свободу завоевывай?..

Так мы с Махбубом около часа сидели, говорили. Он показал книжицу, небольшую, тонкую и какие-то листовки. Я спросил, зачем это ему. Он ответил, что стихи свои он прочитает на митинге в Осмаре, а листовки по дороге будет раскидывать в кишлаках.

Мы тронулись в начале восьмого утра. Колонна пошла. Махбуб не только в кишлаках, но и в ущельях по две-три листовки на поворотах сбрасывал на обочину. Я догадался и говорю ему: «Пусть и душманы почитают?» Он кивнул головой, улыбнулся. Проезжая сухое русло ущелья Шинкарак (про которое сложено много стихов и песен), на выезде из него подорвался на mine передний танк. К счастью, все обошлось. Каток улетел, гусеницу соединили, дальше поехали. Махбуб поворачивается ко мне и говорит, показывая на воронку от мины: «Это душманы предупреждают меня, чтобы я не ехал в Осмар. Поверь мне, рафик (значит, товарищ), на обратном пути они здесь нам устроят засаду». Я только кивнул головой и показал рукой, что ничего страшного, все будет в порядке. Он словно в воду смотрел.

Приехали мы в Осмар, слезли с БМП, он начал проводить митинг. Мы приготовили автоматы к бою, передернули затворы, так как лица дехкан нам что-то не понравились. Гия Напед-

варидзе сразу мне и говорит: «Смотри, Володя, здесь среди дехкан как пить дать половина душманов». Мы стоим возле машины, пока он проводит митинг. Тут подходит афганец и зовет нас выпить чаю в чайхану к себе. Мы сначала отказывались скромно, потом пошли втроем, остальные наши ребята остались стоять возле машин. Зашли в чайхану. Там сидело уже человек шесть молодых бородатых афганцев. По их взгляду мы поняли, что здесь что-то неладно. «По-моему, мы попали в западню», — сказал я Гие, но он уже и без моих слов это понял. Саша Тарханов стоял возле стены, а мы посредине комнаты. В комнате было темно-вато. Сзади скрипнула дверь и закрылась. Мы трое резко вскинули автоматы, направили на них и на дверь. Дверь рукой держал здоровый крепкий бородач. Такие злые взгляды у них, что глаза горят. Я по-афгански сказал, чтобы никто не шевелился, а то продырявим головы, приказал быстро открыть дверь. Бородач открыл, мы вышли. Вышли мы и поняли, что такое гостеприимство за два года здесь мы видим впервые. Было понятно, зачем они нас позвали. Нас шесть человек — трое здесь, трое возле машин. В плен хотели взять русских. Махбуба тоже. Жители кишлака Осмара и не пикнули бы. И — через границу, а Осмар стоит почти на границе с Пакистаном, через четыре-пять километров — лагерь Пешавар. Кончился митинг, мы начали собираться обратно. Лица не столь радостные и довольные, больше злых и недоверчивых взглядов у мужчин. Да их и не назовешь дехканами. Махбуб тоже это почувствовал и сказал, что толку мало — здесь много душманов, но если часто такие митинги проводить, и душманы поймут, для чего он приезжает. Мы ему про наш инцидент ничего не сказали.

Едем обратно уже часов в шесть вечера. Доезжаем до ущелья Шинкарак, до той самой воронки. Танки спустились вниз в русло. Наша БМП доехала до воронки, и вдруг со всех

сторон выстрелы, сверху, с гор, зашвистели пули. Махбуб сразу сел в БМП, закрыл люк. Я спрыгнул в башню. Начал водить прицелом по камням, чтобы определить, откуда стреляли. Нашел одного, второго, третьего. Уничтожил осколочным. Но стрельба не прекращалась, а только усиливалась. В нашу сторону полетели трассеры из дома, что стоял вверх по ущелью метров за двести. Я туда, в окно, два снаряда вкатил, утихло. БМП поднялась в гору, уже проехали сухое русло реки. Сзади — колесная афганская машина, по ней сильно стреляют. Быстренько определил, откуда стреляют. Ага, с левого борта, хорошо. Только я развернул башню, вдруг впереди метрах в двух разорвался снаряд. Врезался прямо в стену, в скалу. Думаю: «Мама родная, это ведь из гранатомета, сволочь, стреляет». Сам прицелом внизу ущелья место ищу, где он может прятаться. В это время Гия проехал метров пять, снова остановился. Тут же снова взрыв сзади. В стену, в скалу снова ударил. У меня за две секунды вся моя жизнь промелькнула перед глазами. Вспомнил и мать, и отца, и сестренку. Такое первый раз у меня было за службу. Ведь через три-четыре дня предстояло ехать домой.

Когда душман стрелял второй раз, я увидел его по вспышке и пыли, которая поднялась за его спиной. Тут же выстрелил в него бронебойным. Он в это время заряжал третью гранату в гранатомет. Судьба распорядилась, видимо, так, что ему остаться в горах, а не нам. Опоздай я на несколько секунд... он как раз бы попал в БМП.

В это время, когда я стрелял в душмана-гранатометчика, Махбуб открыл люк и выскочил наружу, и тут его сразу же убили. Он даже не сумел пробежать ни вверх, ни вниз. Молодой грузин, фамилию не могу вспомнить, хотел подхватить его. Но его ранило. Мы с Гией выскочили. Гию в руку выше локтя зацепило, в мышцу.

Местность хорошо простреливаемая, душманы сверху в упор почти стреляют. Выехали наверх, стемнело уже. Комбат Тараканов Н. Н. по связи скорректировал огонь «Града».

Вот так и погиб Махбуб Сангар. А наши ребята получили ранения. Гия так и не полетел в Джелалабад в госпиталь, хотя ранение у него серьезное было. Мы через несколько дней улетели в Союз, и пять человек у меня дома гостили.

Из Кабула на Ташкент — самолетом. А дальше чтобы им лететь — билетов не было. А из Чимкента проще как-то немного. Прилетели в три часа

ночи. В четыре были у меня дома. Мать открыла нам двери. Я первый раз заплакал, когда увидел, какая она седая. Не то слово «седая» — белая. Гие делали перевязки. Сфотографировались впятером на память. Гия, когда мы улетали из Асадабада, посчитал: наша рота входила в Афганистан в полном составе. Домой улетело всего лишь 12 человек. До сих пор живу и не верю этому чуду, что выпало нам такое счастье — вернуться домой.

Это всего лишь один эпизод, один день нашей службы. А ведь таких дней было много, почти каждый.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48